П. Дж. Нельсон

# СМЕРТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕПЛЕТ



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44
Н 49

P. J. Nelson
BOOKED FOR MURDER

Серия «Очень книжный детектив»

Печатается с разрешения литературных агентств
Jean V. Naggar Literary Agency Inc.
и Andrew Nurnberg Literary Agency

Перевод с английского *Вероники Гомаровой*
Оформление обложки *Алексея Жижицы*

**Нельсон, П. Дж.**

Н49 Смертельный переплет: [роман] / П. Дж. Нельсон; — [перевод с английского В. Гомаровой.]. — Москва: Издательство АСТ, 2027. — 320 с. — (Очень книжный детектив).

ISBN 978-5-17-185161-3

Получив в наследство от покойной тети старинный викторианский особняк и хаотичную, но очаровательную книжную лавку «Старый можжевельник», Мэделин Бримли надеялась обрести долгожданный покой. Однако укутанный ароматами старых страниц и цветущей вистерии приют встречает ее совсем не ласково. Сначала в саду вспыхивает вековая беседка, а затем тишину ночи разрезает телефонный звонок с требованием убираться под угрозой жестокой расправы.

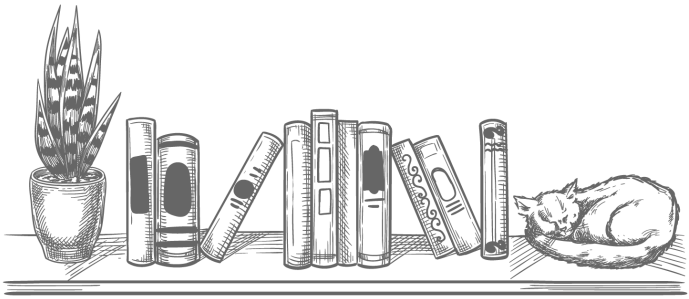
Полиция списывает все на шалости подростков, но вскоре ночной кошмар повторяется — пламя охватывает саму лавку. Когда дым рассеивается, на обгоревшем полу Мэделин находит неподвижное, бездыханное тело своей юной помощницы Тэнди. Теперь «Старый можжевельник» превращается из уютного убежища в смертельную ловушку, и Мэделин предстоит выяснить, чьи опасные тайны скрывает это наследство, пока пеплом не стала она сама.

**УДК 821.111-312.4(73)**
**ББК 84(7Сое)-44**

Copyright © 2024 by P. J. Nelson.
© В. Гомарова, перевод, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2027

ISBN 978-5-17-185161-3

*Для ЛНН, как всегда*



# 1

Даже октябрь может быть летним месяцем в Южной Джорджии. На улице около тридцати градусов, листва все еще зеленая, а влажность настолько высокая, что в ней, кажется, могла бы плавать мелкая рыбешка. И мошки повсюду. Уже и забыла о них.

Я оставила вещи в разваленном «Фиате», которого иногда называла «Игорем»* — после нескольких особенно неудачных аварий его так перекосило, что имя подходило как нельзя лучше.

Ступеньки крыльца предупреждающе скрипели, но я не обратила внимания на знаки. В противном случае я бы никогда не последовала за тетей Роуз в абсурдный мир театра.

Теперь же я слишком стара для наивных ролей и слишком молода для характерных. После очередного прослушивания волей-неволей задумаешься о рабо-

* Игорь — в кинематографе — ассистент Франкенштейна, уродливый горбун, выполняющий грязную работу. (*Здесь и далее, если не указано особо, — примечания переводчика*).

те в общепите. Наследство в виде книжного магазина стало для меня лучиком надежды.

Веранда совсем не изменилась. Сухие листья прошлых лет, пыль тысячи летних ночей, пять кресел-качалок, два из которых — с порванными плетеными сиденьями.

Я не могла объяснить, почему моя рука замерла, схватившись за старомодный латунный ключ в замке входной двери, но на мгновение мне показалось, будто я слышу, как Роуз мягко напевает себе под нос. Иногда, по-видимому, отголоски мелодии живут дольше, чем сама песня.

Я выросла в Энигме, штат Джорджия. Совсем рядом находятся Мистик и Омега. Если не верите, то взгляните на карту. Здесь у нас верят в сверхъестественное. Сначала город выживал за счет скипидара, потом – древесины. Казалось, не было ни одной причины, по которой здесь мог бы быть основан частный гуманитарный колледж, и все же Барнсли процветал посреди этой глуши. Еще менее объяснимой была судьба моей тети Роуз, родившейся в Энигме, выросшей у железнодорожных путей и затем, по неведомой прихоти судьбы, на большую часть жизни оказавшейся под яркими огнями Бродвея. Выйдя на пенсию и вернувшись в Энигму, она открыла книжный магазин «Старый можжевельник».

А когда умерла, лавка досталась мне.

Дорога из Атланты, которая должна была занять три часа, растянулась почти на пять: рефрижераторная фура не поделила дорогу с симпатичным голубым «Вольво». Я приехала совершенно вымотанной. Проезжая по одинокой главной улице, я с удивлением смотрела на множество пустующих зданий. Места, куда я ходила в детстве, теперь были закрыты. Как раз на закате я свернула на гравийную подъездную аллею старого викторианского особняка.

И вот он — замок моего детства, со всеми его предзнаменованиями из прошлого.

Трехэтажный, с резными деревянными украшениями, облупившейся краской, опоясывающей верандой, балконами, фронтонами и узорчатыми рифлеными окнами. Дом уже сам по себе выглядел как персонаж забытых романов Готорна*. Бордово-темно-зеленая цветовая гамма пыталась вернуть особняку нечто вроде первоначального облика, но в итоге получился скорее Страшила Рэдли**, нежели южная красавица.

Здесь я бывала гораздо чаще, чем в родительском доме. Тетя Роуз была моим идолом. Она сбежала из дома, когда ей было семнадцать, и в первую же неделю в Нью-Йорке получила работу дублерши в бродвейском мюзикле Anyone Can Whistle***. Премьера состоялась четвертого апреля 1964 года, а уже после девяти представлений спектакль закрылся. По мнению тогдашних критиков, это была одна из наименее удачных работ Сондхайма. Но Роуз продолжала получать предложения — в основном в хоре или в качестве дублерши. Ее рассказы о театральной жизни навсегда оставили отпечаток в моих воспоминаниях.

До сих пор они время от времени всплывали у меня в голове. Я открыла дверь, и вот оно: пылинки в воздухе, затхлость, запах старых книг. Мой рай. В этом смешении запахов я нашла свое детство и все те долгие часы,

---

* Натаниэль Готорн (Nathaniel Hawthorne, 1804–1864) — американский писатель, один из первых и наиболее признанных мастеров американской литературы..

** Страшила Рэдли — персонаж романа Харпер Ли «Убить пересмешника».

*** Anyone Can Whistle — бродвейский мюзикл с музыкой и стихами Стивена Сондхайма, считающийся культовым, несмотря на провал при первоначальной постановке.

проведенные за чтением в лавке, обсуждением планов и мечтаний с тетей Роуз.

Мне нравился этот обветшалый хаос. Он напомнил мне слова Колина Овна: «Становилось ясно, что властвуют тут книги, а не человек»*, что и являлось философией моей тети. Книги, как она всегда говорила, сами подсказывали ей, где им хочется стоять. Поэтому поиск чего-либо в этом месте был скорее приключением, чем целенаправленным движением к цели.

В последнем золотом луче заходящего солнца, когда пылинки плясали в воздухе, словно крошечные балерины вселенной, меня накрыло острое чувство *дома*.

А потом наступила тишина. Я замерла в дверях, решив, что оглохла. Дом одиноко стоял в конце квартала, на окраине города, с почти акром земли под сад на заднем дворе.

И вдруг воздух прорезала песня коричневого пересмешника. Щебет раздавался так громко, что мне на мгновение показалось, будто бы птица залетела в дом. Дурной знак.

Все окна были открыты, по крайней мере на первом этаже. На запах плесени это нисколько не повлияло, зато позволило песне птицы заполнить дом. Такие фанфары нравились мне куда больше, чем противный скрип половиц и затхлый воздух.

Прихожую давно не подметали, а разглядеть другие комнаты без света было сложно. Я нажала выключатель у двери, но ничего не произошло. Так что первой задачей на завтра стало разобраться с электричеством.

Я вспомнила, что Роуз всегда хранила свечи в столе, который служил ей еще и кассой. Он стоял слева в гостиной, которая и без того была особенно темной. К счастью, комнату я знала достаточно хорошо, чтобы

* Агата Кристи, «Часы» (пер. А. Глебовской, Т. Чернышевой).

добраться до стола и найти несколько длинных свечей и большую коробку кухонных спичек. Они уже стояли в оловянных подсвечниках. Я зажгла одну и поставила на стол, взяв вторую с собой. Солнечный свет быстро угасал, а свеча в руке придавала гостиной особый меланхоличный блеск, превращая ее скорее в воспоминание, чем в реальность. Казалось, вот-вот я увижу Роуз, сидящую за своим столом.

И шестнадцатилетнюю себя, развалившуюся на антикварном французском диване. И мы бы спорили с ней об университете штата Флориды.

— Это лучшая театральная школа на юге! — говорила я ей.

Роуз качала головой:

— Это все равно что сказать: «лучшие бейглы — в Вайоминге». Ты должна учиться в Нью-Йорке.

Тем не менее, когда я получила стипендию в университете Флориды, Роуз оплатила все оставшиеся расходы на мое обучение. Гордилась бы она моей так называемой актерской карьерой в Атланте?

Пересмешник снова защебетал, и вдруг мне показалось, что это не песня, а панический вопль. Меня пробрал страх, как в фильме ужасов. Классический темный пустой дом с привидениями без электричества. Со свечой в качестве единственного источника света я пошла за кое-какими вещами из «Игоря». Решила взять только чемодан, остальное может полежать и в машине. С собой у меня было немного: большую часть хлама я оставила на складе в Атланте. Не знала, что еще с ним делать.

Снова зайдя внутрь, я хотела позвонить Расти Томпсону, юристу Роуз, который сообщил мне о странном наследстве, просто чтобы дать знать, что я приехала, но решила оставить эту затею на утро.

Мучаясь с сумками и свечой, я сильно пыхтела, поднимаясь на второй этаж, где раньше жила Роуз. Там

была ее спальня, которую мне не хотелось занимать. Хотя бы пока. Так что я остановилась в «зеленой комнате», где всегда раньше спала, когда оставалась на ночевку.

Я бросила первую сумку у дверного проема, а через несколько шагов и вторую.

Комната, даже при свете свечи, была уютной. Стены когда-то давно расписали цветами шиповника и бледно-голубой вистерии. Антикварная дубовая кровать «Линкольн», лампы в стиле модерн, двухсотлетние персидские ковры — все это создавало невероятно комфортную атмосферу, и я снова почувствовала себя дома.

Я толкнула чемодан в сторону шкафа и поймала свое отражение в зеркале туалетного столика рядом с ним. Волосы были убраны и уложены так, чтобы скрыть большую часть преждевременной седины. Ирландский свитер, так подходящий для атлантской осени, оказался слишком теплым для влажной Энигмы. И зачем я вообще надела джинсы с порванными коленями? Мама наверняка бы упрекнула меня в том, что образ мне не по возрасту.

Я стряхнула с себя ее призрак и, со свечой в руке, снова спустилась вниз.

Рассчитывать на что-нибудь съестное на кухне было глупо, но я все равно направилась туда: надежда, как известно, умирает последней.

Кухня находилась в задней части дома и была совсем небольшой. Роуз позаботилась, чтобы ее обставили самой лучшей техникой — двухтопливной плитой «Вольф», которая, должно быть, стоила целое состояние, и холодильником «Сабзиро», почти столь же дорогим. Кухонный стол когда-то принадлежал Фланнери О'Коннор*. Где-то была чугунная сковорода, которую

* Фланнери О'Коннор — автор новелл и коротких историй с Юга США.

Роуз украла с бродвейской сцены мюзикла «Фантастикс». А в шкафу стоял фарфор, подаренный ей Гвен Вердон*, когда Роуз пела в хоре мюзикла «Чикаго». Откуда у нее взялись деньги и как она сблизилась с такими знаменитыми людьми, осталось тайной, которую моя тетя унесла с собой в могилу.

К сожалению, большинство продуктов, оставшихся в холодильнике и кладовой, отправилось туда же. Синий куриный бульон, плесневелый хлеб и сыр пришлось выбросить следующим утром. Одинокая банка фасоли и почти пустой пакет риса должны были сойти мне за ужин.

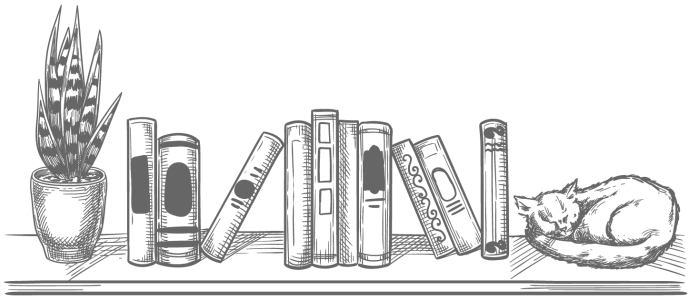
Но, прежде чем я успела найти кастрюли для этой жалкой трапезы, кухню внезапно наполнил запах горящего можжевельника — уникальное, горько-сладкое сочетание свежей хвои и землистых бальзамических нот. Роуз всегда говорила мне, что можжевельник — лучший защитник, поэтому она посадила его повсюду вокруг дома и в саду. Она рассказывала, что, когда Мария и Иосиф пытались скрыть младенца Иисуса от Ирода, их спрятало можжевеловое дерево.

Стоя в темной комнате, я пыталась понять, откуда идет запах, когда мерцающий красный свет осветил окна. Подойдя ближе, я увидела пламя.

Беседка в саду на заднем дворе горела.



* Гвен Вердон — американская актриса и танцовщица, одна из самых ярких звезд «золотой эры» Бродвея.



# 2

Бросив рис, я выбежала из кухни. В двадцати футах* от меня из старой беседки, которая украшала сад более ста лет, вились языки огня. Сперва я хотела вернуться за водой, но потом вспомнила про садовый шланг, который лежал у задней двери кухни. В сгущавшихся сумерках разглядеть его было нелегко, но отыскав, я открыла воду на полную и потащила шланг через лужайку к огню.

Пользы от него было немногим больше, чем если бы я просто плевалась в пожар, но все-таки это казалось разумной временной мерой. Нужно было залить водой растения вокруг беседки. Особенно горящий можжевельник.

Не будь я собой, наверняка бы уже вытащила мобильник из кармана и набрала «911», но его у меня просто не было. Так что, когда огонь чуть поутих, я ринулась обратно в дом, к письменному столу в гостиной, где стоял настоящий дисковый телефон, и набрала номер экстренной службы.

---

* 1 фут = 0,304 метра.

Пожарная машина приехала через семь минут — одно из преимуществ маленького городка. С огнем быстро справились, а команда из трех пожарных была со мной чрезвычайно любезна — в истинно южно-джентльменской манере.

— Капитан Джордон, мэм. Думаю, он того... угомонился, если вдруг снова не разойдется.

Предположив, что этим он хотел сказать, что пожар потушен, я поблагодарила его кивком.

Черные волосы, острая челюсть, ростом далеко за шесть футов. Так еще и пожарная каска добавляла внушительности. Лицо казалось мне незнакомым, а это почти наверняка означало, что он не из Энигмы.

— Боюсь представить, чем бы все закончилось, не окажись вы рядом, — продолжил он. — И простите за вопрос, но что вы здесь делаете? Хозяйка этого места умерла пару недель назад.

Так все и было. Я протянула ему руку.

— Мэделин Бримли, племянница Роуз. Она оставила мне... книжную лавку.

— Оу, — сказал он, нежно пожав мою руку. — Это все объясняет. Наверное. А вы не знаете, с чего начался пожар?

— Я *только* приехала. Минут пятнадцать назад или около того. Занесла сумки в дом и пошла на кухню посмотреть, нет ли чего поесть, и тут — пожар.

— Понятно. — Он отпустил мою руку. — Так вот. Вашу террасу, или что бы то ни было, облили бензином. Причем очень щедро. И если ваши слова верны, то, судя по тому, как быстро все разгорелось, кто-то поджег ее как раз в момент вашего приезда. Вы случайно никого не видели?

— Я никого и не выглядывала... Подождите, вы хотите сказать, что кто-то облил беседку бензином, а потом дождался меня и поджег ее?

Он кивнул, глядя мне прямо в глаза.

— Один из вариантов.

Разговор прервала пауза, которая тянулась до момента, пока я наконец не прочитала его мысли.

— Постойте, — покачав головой, сказала я. — Вы что, думаете, это я? Я совершила поджог? Но ведь я сама вызвала пожарных!

— Ну... в любом случае мне придется доложить об этом в полицию. Поджог как-никак.

— Вы думаете, я приехала из Атланты, оставила чемоданы в комнате наверху, а потом *подожгла* собственное наследство?

Его дружелюбие слегка ослабло.

— Мэм, я вижу вас впервые. Я не знаю, кому принадлежит этот дом. Не знаю ничего о происходящем.

— Я выросла здесь. Вы бы это знали, будь вы из Энигмы.

— Олбани, — коротко ответил он.

Олбани, штат Джорджия, — город всего в часе езды отсюда, с населением в семьдесят тысяч или около того, в то время как в Энигме было всего тысяча двести пятьдесят один человек.

— Понятно. Ну что ж, спасибо, что все тут потушили. Можете рассказывать полиции, что пожелаете, а я пойду домой, распакую вещи. Постараюсь не думать о том, что кто-то наблюдал за мной из беседки, а затем поджег ее. Сегодня я точно не усну.

С этими словами я развернулась и бросилась обратно в дом.

На кухне меня ждала лишь жалкая банка фасоли. Я открыла ее и наблюдала, как пожарные собирают оборудование. Капитан Джордон что-то записал в журнал, снова взглянул на дом, затем сел в пожарную машину, и они уехали.

Тишина стала невероятно громкой.

Потом фасоль закипела, негромко булькая. Я выключила конфорку и подумала, что надо бы подмести

рис с пола. Но вместо этого достала одну из фарфоровых мисок Гвен Вердон и относительно чистую ложку, уставившись на дым, поднимающийся с беседки. Он смешался с первым лунным светом так, что задний сад выглядел как сцена из фильма с Белой Лугоши*.

Я окинула кухню взглядом:

— Не такое приветствие я ожидала, тетя Роуз.

Иногда сильный шум может отпугнуть призраков. А иногда — нет.

Мне почти слышалось, как Роуз говорит: «Атланта». И я знала, что она качает головой. Сожалеет, что я не осталась в Нью-Йорке.

Итак, фасоль съедена, рис подметен, кастрюля и миска в раковине. Я сдалась. Луна была высоко, а серебристый луч, пробивавшийся сквозь открытые окна, подчеркивал тлеющие развалины во дворе. Но от этого запаха, смешанного с можжевельником, у меня начала болеть голова.

Сил на распаковку вещей совсем не осталось. Поднявшись на верхний этаж, я прямо в одежде рухнула на кровать. В «зеленой комнате». Роуз почему-то решила, что это самое подходящее для нее название.

«Зеленой комнатой», конечно, называют место, где актеры ждут своего выхода на сцену. Тетя в каждом письме и телефонном звонке допытывалась, чего я жду в Атланте и почему до сих пор не вернулась в Нью-Йорк. А теперь возвращаться было уже и вовсе бессмысленно.

Я уставилась на нарисованную вистерию, замершую в вечном начале цветения, так никогда и не распустившись.

---

* Бела Лугоши — венгерский актер, прославившийся ролями в классических фильмах ужасов 1930–1940-х годов, в частности Дракулы.